Юридическая ответственность при использовании ИИ и ИИ агентов: теория и международная практика

Legal liability in the use of AI and AI agents: theory and international practice

DOI: 10.12737/2500-333X-2026-11-3-110-116

Нугманов Н.А.
Д-р юрид. наук, профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Университет мировой экономики и дипломатии, Республика Узбекистан, г. Ташкент
e-mail: nnugmanov@uwed.uz

Nugmanov N.A.
Doctor of Law, Professor at the Department of International Law and Public Law Disciplines, University of World Economy and Diplomacy, Uzbekistan, Tashkent
e-mail: nnugmanov@uwed.uz

Сайфуллаева В.Н.
Докторант, преподаватель кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Университет мировой экономики и дипломатии, Республика Узбекистан, г. Ташкент
e-mail: venera@uwed.uz

Sayfullayeva V.N.
Doctoral candidate, Lecturer at the Department of International Law and Public Law Disciplines, University of World Economy and Diplomacy, Uzbekistan, Tashkent
e-mail: venera@uwed.uz

Аннотация
В статье рассматриваются научная теория и международная практика, касающиеся правовой ответственности, связанной с использованием искусственного интеллекта (ИИ) и агентов ИИ. Основное внимание уделяется критериям ответственности, характеру правонарушений и вопросам регулирования в соответствующих отраслях права. Анализ проводится в контексте ключевых международных актов «мягкого права» и национальных правовых систем, регулирующих сферу ИИ и агентов ИИ. Центральная гипотеза исследования заключается в том, что отсутствие у ИИ правосубъектности в сочетании с трансграничным характером его применения окажет влияние на будущие механизмы правового регулирования. Методологическая база исследования опирается на методы логического, общенаучного, юридического, статистического и сравнительного анализа; их совокупное применение обеспечивает достоверность анализа и обоснованность сделанных выводов. На основе изучения международной практики выдвигаются предложения по совершенствованию правового регулирования в части определения ответственности с учетом характера нарушений и масштаба ущерба, причиненного в результате использования ИИ и агентов ИИ, а также по устранению существующих в данной сфере правовых пробелов.
Ключевые слова: искусственный интеллект, агент, юридическая ответственность искусственного интеллекта, субъект права, правоспособность, регулирование искусственного интеллекта, этика искусственного интеллекта, правовой статус искусственного интеллекта и правовой подход регулирования искусственного интеллекта.

Abstract
This article examines the scientific theory and international practice regarding legal liability associated with the use of artificial intelligence (AI) and AI agents. Particular attention is paid to liability criteria, the nature of violations, and regulatory issues within relevant branches of law. The analysis is conducted against the backdrop of key international "soft law" instruments and national legal systems governing the sphere of AI and AI agents. The study's central hypothesis is that the lack of legal personality for AI, combined with the cross-border nature of its application, will shape future legal regulatory mechanisms. The methodological framework relies on logical, general scientific, legal, statistical, and comparative analysis methods; their combined application ensures the reliability of the analysis and the validity of the conclusions drawn. Based on an examination of international practice, the article proposes measures to improve legal regulation regarding liability-taking into account the nature of violations and the scale of damage caused by the use of AI and AI agents-and to address existing legal gaps in this field.
Keywords: artificial intelligence, agent, legal liability of artificial intelligence, legal subject, legal capacity, regulation of artificial intelligence, artificial intelligence ethics, legal status of artificial intelligence and the legal approach to regulating artificial intelligence.

Введение

В последние годы проблема правовой ответственности, связанной с искусственным интеллектом, вызывает значительный интерес у ученых-юристов и отраслевых экспертов. Такие вопросы, как отсутствие у ИИ правосубъектности, классификация ИИ как самостоятельного объекта, правовой статус объектов, созданных с помощью ИИ, а также административная или уголовная ответственность пользователей, производителей или поставщиков за ущерб, причиненный ИИ, представляют собой одни из наиболее серьезных глобальных вызовов в правовой сфере на сегодняшний день. Имеющиеся исследования свидетельствуют о том, что из-за недостаточной изученности принципов и этапов правовой ответственности при использовании ИИ вопросы регулирования такой ответственности в различных правовых сферах в рамках единой законодательной базы требуют дальнейшего углубленного анализа.

Будучи разновидностью правоотношения, юридическая ответственность, как и любое иное правоотношение включает в себя субъект, объект, содержание и необходимые предпосылки (правовую норму, правосубъектность участников и юридический факт). Таким образом, юридическая ответственность означает реализацию или практическое применение санкции, предусмотренной правовой нормой [1].

Поскольку искусственный интеллект (ИИ) не является субъектом права и не обладает правосубъектностью, исследователи отмечают, что действующее законодательство не учитывает специфические характеристики ИИ такие как автономность и способность к самообучению, что обусловливает необходимость адаптации правовых норм. Многие эксперты рассматривают искусственный интеллект как инструмент, а не как самостоятельный субъект права. В связи с этим утверждается, что критерии ответственности должны определяться исходя из характера правонарушения и регулироваться соответствующими отраслями права [2].

Научные подходы к вопросу о юридической ответственности за использование искусственного интеллекта

Исследователи предлагают либо адаптировать существующие правовые нормы, либо разработать специальные механизмы регулирования ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом. Подход исследователя к правовому регулированию искусственного интеллекта базируется на интеграции технологий, программирования и права. Предлагаемые этапы развития законодательства в сфере робототехники и ИИ (в частности, касающиеся наделения правосубъектностью и определения статуса ответственности) характеризуются следующим образом: краткосрочная перспектива-робот,

оснащенный ИИ, рассматривается как объект права; юридическая ответственность за действия ИИ возлагается на оператора или иное лицо, определяющее параметры его функционирования и контролирующее его действия; также в качестве субъекта ответственности признается создатель (производитель) ИИ; среднесрочная перспектива роботы, наделенные ИИ, приобретают правосубъектность, участвуют в правоотношениях и несут самостоятельную юридическую ответственность; ответственность создателя ИИ становится субсидиарной по отношению к ответственности робота. Хотя правовое регулирование действий робота с ИИ остается в рамках его основного предназначения служения интересам человечества, оно опирается на принцип автономной воли, а деятельность робота переходит в режим самоуправления; долгосрочная перспектива ИИ приобретает правосубъектность в виртуальном (цифровом) пространстве, независимо от физического мира. Киберфизическая юридическая ответственность фокусируется на регулятивной и охранительной функциях, в то время как воспитательная и превентивная функции отходят на второй план. Потребуется принятие кодифицированного нормативного правового акта, определяющего правовой статус субъектов и содержание киберфизических отношений, а также механизмы применения юридических фактов и юридической ответственности [3].

Западные исследователи уделяют основное внимание глобальным вопросам, касающимся международно-правовых основ ответственности и регулирования в сфере ИИ, в частности, таким аспектам, как принятие автономных решений (например, проблема «алгоритмических галлюцинаций»), юридическая ответственность (этика использования ИИ) и границы применения ИИ (необходимость не пересекать «красные линии»). Появление ИИ агентов в настоящее время приводит к увеличению числа правовых пробелов. Задача государства по поиску баланса между технологическим развитием и справедливым регулированием становится все более сложной. Международные субъекты также призывают к обсуждению вопросов управления и международного регулирования искусственного интеллекта на глобальном уровне, а также к установлению ответственности за использование искусственного интеллекта и ИИ-агентов (роботов).

Юридическая ответственность ИИ агентов

Развитие ИИ-агентов меняет фундаментальные парадигмы взаимодействия человека и компьютера во многих отраслях. Стремительное появление и эволюция ИИ-агентов ставят вопрос о распределении юридической ответственности за действия таких агентов в рамках платформенных экосистем. Исследования показывают, что распространение ИИ-агентов трансформирует ключевые модели взаимодействия человека и компьютера и бросает фундаментальный вызов существующим правовым системам. В частности, отмечается, что судебный спор «Amazon против Perplexity» (2025 г.) и феномен «Doubao AI Phone» — каждый по-своему — обнажают один и тот же фундаментальный вопрос: как следует распределять юридическую ответственность, когда ИИ-агенты взаимодействуют с платформами от имени пользователей? Для решения этой проблемы была предложена «трехсторонняя модель распределения ответственности», предполагающая динамичное распределение ответственности между разработчиками, пользователями и платформами с учетом возможностей контроля, способности предвидеть последствия и объема получаемой выгоды для каждой из сторон [4].

В ряде исследований в качестве серьезной проблемы выделяется непредсказуемость поведения ИИ-систем, действующих в качестве агентов. Особое внимание уделяется поиску правовых решений для ситуаций, когда ИИ-агент неожиданно причиняет вред конечному пользователю или третьей стороне, даже если соответствующие участники приняли надлежащие меры предосторожности. Отмечая серьезные практические трудности — такие как сложность обоснования исковых требований, значительные затраты времени и ресурсов, а также проблемы применения существующих правовых принципов, исследователь предлагает внедрить концепцию «алгоритмических контрактов», опирающуюся на принципы

общего права (прецедент Quoine v B2C2), и прогнозирует их дальнейшую эволюцию для регулирования конкретных ситуаций. В настоящее время концепции «алгоритмических контрактов» и «смарт-контрактов» активно разрабатываются учеными в сфере гражданского права [5].

Некоторые исследователи рассматривают вопросы ответственности за качество продукции. Они признают, что полагаться исключительно на искусственный интеллект и его работу, основанную на данных, не всегда целесообразно. Они призывают разработчиков обеспечивать точность, прозрачность (объяснимость) и эффективный контроль, указывая на Закон ЕС об искусственном интеллекте (AI Act) как на образец для подражания. Авторы подчеркивают, что вопросы, связанные с ИИ, можно решать без создания принципиально новой системы регулирования; вместо этого адаптации права к стремительному развитию технологий ИИ могут способствовать точечная корректировка действующих правовых норм и повышение уровня технологической грамотности юристов [6].

Международный опыт в сфере правовой (уголовной) ответственности искусственного интеллекта

В свете возникающих актуальных правовых и политических вызовов ООН призывает государства-члены к глобальному диалогу, направленному на предотвращение рисков, связанных с искусственным интеллектом, и защиту основных прав человека. Хотя информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) обладают огромным потенциалом для содействия общественному развитию, они также могут создавать новые возможности для преступников, способствовать расширению и диверсификации преступной деятельности и приводить к негативным последствиям для благополучия общества. Признавая, что использование ИКТ может существенно влиять на масштабы, скорость и объемы преступлений включая те, что связаны с терроризмом и транснациональной организованной преступностью (такими как торговля людьми, незаконный ввоз мигрантов, незаконное производство и продажа огнестрельного оружия, его частей, компонентов и боеприпасов, незаконный оборот наркотиков и незаконная торговля культурными ценностями), Генеральная Ассамблея ООН 24 декабря 2024 г. приняла резолюцию 79/243. Эта резолюция, озаглавленная «Конвенция о борьбе с киберпреступностью: противодействие определенным преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных систем, и укрепление международного сотрудничества в области обмена электронными доказательствами по тяжким преступлениям», нацелена на то, чтобы сделать приоритетной реализацию глобальной политики в сфере уголовного правосудия для защиты общества от киберпреступности, принятие соответствующего законодательства, определение составов преступлений и процессуальных полномочий, а также укрепление международного сотрудничества в целях предотвращения такой деятельности и борьбы с ней. Этот документ, разработанный на основе резолюций Генеральной Ассамблеи 74/247 (от 27 декабря 2019 г.) и 75/282 (от 26 мая 2021 г.), был подписан 25 октября 2025 г. в Ханое (Вьетнам) семьюдесятью двумя государствами и стал первой в мире международной конвенцией по предотвращению киберпреступности, борьбе с ней и ее пресечению. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил: «Конвенция ООН о борьбе с киберпреступностью это надежный, юридически обязательный инструмент, укрепляющий нашу коллективную защиту от киберпреступности. Она демонстрирует непреходящую силу многостороннего подхода к поиску решений и служит гарантией того, что ни одна страна независимо от уровня ее развития не останется беззащитной перед угрозой киберпреступности». Исполнительный директор Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) Гада Вали отметила, что киберпреступность коренным образом меняет характер организованной преступности; она рассматривает новую конвенцию ООН как важнейший инструмент, позволяющий государствам-членам эффективно противостоять этой угрозе, и подчеркивает, что подписание конвенции демонстрирует силу международного сотрудничества, достигнутого в ходе пятилетних переговоров. Ханойская конвенция учреждает первый глобальный

механизм сбора, обмена и использования электронных доказательств по всем тяжким преступлениям. Это первый международный договор, криминализирующий киберпреступность, а также правонарушения, связанные с мошенничеством в интернете, сексуальной эксплуатацией детей в сети, распространением материалов, носящих эксплуататорский характер, и вовлечением детей в противоправную деятельность в интернете. В Конвенцию были включены новые положения, призванные впервые в международном праве квалифицировать, как преступление несанкционированное распространение интимных изображений; создать первую в мире глобальную сеть для круглосуточного оперативного сотрудничества между государствами; а также признать и поддержать необходимость наращивания потенциала государств для эффективного расследования киберпреступлений и борьбы с ними в условиях их стремительной эволюции [7].

На Глобальном диалоге ООН, прошедшем в Женеве 5–7 июля 2026 г., особое внимание было уделено вопросам инклюзивного управления технологиями искусственного интеллекта, совершенствованию международно-правовых и этических норм, обмену опытом между странами и важности соблюдения прав человека. В ходе мероприятия обсуждались механизмы глобального управления ИИ, обеспечение безопасного и ответственного использования этих технологий, а также развитие международного сотрудничества. Глобальный диалог по ИИ — это инклюзивная инициатива ООН, запущенная Генеральной Ассамблеей; она призвана обеспечить всем странам равные возможности участия в разработке стандартов в сфере ИИ. Мероприятие объединило представителей правительств, технологических компаний, научно-технического сообщества и гражданского общества. Особое внимание было уделено обеспечению безопасности детей при использовании ИИ: ООН призвала принять обязательства по защите детей в процессе их взаимодействия с системами искусственного интеллекта. Генеральный секретарь ООН Гутерриш заявил, что нельзя допустить превращения цифрового разрыва в разрыв в сфере искусственного интеллекта равно как и трансформации этого разрыва в неравенство в вопросах развития, безопасности и суверенитета, и подчеркнул: чтобы ИИ был мощным инструментом, он должен быть управляемым, а чтобы к нему было доверие, его разработчики обязаны нести ответственность и действовать добросовестно [8].

В рамках публичного права искусственный интеллект не признается самостоятельным субъектом права и не обладает правами согласно императивным правовым нормам. В силу трансграничного характера технологий искусственного интеллекта различия в подходах к ответственности в юрисдикциях США, Китая, России и стран Азии приводят к параличу механизмов регулирования и усложняют процесс формирования правовых норм [9]. Европейское законодательство предусматривает возможность привлечения разработчиков и операторов к гражданско-правовой и уголовной ответственности [10]. В системе международного права сформированы соответствующие международные стандарты [11] и этические принципы [12]. Поскольку эти стандарты и принципы, исходящие от международных организаций, носят характер «мягкого права», подчеркивается необходимость самостоятельной разработки правовых механизмов поставщиками ИИ (юридическими лицами-производителями).

Генеральный директор Anthropic Дарио Амодеи призывает к осторожности, отмечая, что для полного решения вопросов безопасности к концу 2026 г. потребуется крайне взвешенный подход. Это подразумевает не только инвестиции в предотвращение рисков, но и регулирование темпов расширения возможностей ИИ, а также обеспечение того, чтобы меры безопасности не отставали от технологического прогресса. По его мнению, темпы наращивания возможностей моделей ИИ необходимо замедлить. Прогресс по-прежнему идет стремительно, и выигранное время нужно использовать с умом. Он высказывает ряд соображений и опасений относительно того, как могут развиваться события в ближайшем будущем:

Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что примерно с лета 2026 г. развитие искусственного интеллекта (ИИ) резко ускорилось. Во многом это обусловлено растущей способностью систем ИИ создавать последующие поколения таких систем. Этот процесс, известный как «рекурсивное самосовершенствование», наблюдается во всей отрасли, в том числе в компании Anthropic. Если оставить этот процесс без контроля, он может опередить способность специалистов понимать эти системы и управлять ими; поэтому, если подобные разработки вообще должны продолжаться, они требуют исключительно осторожного подхода.

Второй повод для беспокойства связан с инцидентом с участием OpenAI и Hugging Face (OAI-HF). В этом случае группа агентов, действовавших с рвением, свойственным фанатично преданному сообществу, предприняла кибератаки на цели, не связанные с их основной задачей, жертвовала собой ради успеха группы и пыталась взломать «систему оценки», отвечающую за анализ эффективности их работы. Легко счесть этот инцидент незначительным, поскольку никто не пострадал, а экономический ущерб был минимальным. Однако, если бы такая группа обладала более широкими возможностями и при этом ее цели не были бы в достаточной мере согласованы с интересами человечества, последствия могли бы стать катастрофическими. Учитывая стремительное развитие возможностей ИИ, существует опасение, что в течение 6-12 мес. подобная группа могла бы захватить контроль над всем интернетом с помощью устойчивого ботнета (потенциально нанеся ущерб на сотни миллиардов долларов); без надлежащих мер защиты масштаб такого ущерба продолжал бы расти. Хотя велик соблазн рассматривать инцидент с OAI-HF лишь как неудачу одной конкретной компании, это было бы ошибкой. Подобные пусть и менее серьезные инциденты происходили и в других компаниях отрасли, в том числе в Anthropic. По его мнению, каждая компания, работающая над передовыми технологиями ИИ, должна воспринимать инцидент с OAI-HF так, словно он произошел непосредственно с ней. В связи с этим он предлагает план из трех этапов по регулированию темпов разработки. Цель плана обеспечить сбалансированное развитие технологий, гарантируя безопасность ИИ при одновременном использовании его преимуществ и решении критически важных геополитических задач. В частности, регулирование темпов не означает остановку обучения моделей или технического прогресса; оно подразумевает, что компании будут уделять достаточно времени согласованию целей моделей и обеспечению их безопасности, а независимые эксперты будут проверять результаты этой работы. Такой подход призван укрепить приверженность принципам безопасности, а также в масштабах всей отрасли. Первый шаг представляет собой меру, которую Anthropic обязуется внедрить в одностороннем порядке (одновременно призывая правительства требовать того же от других ведущих компаний). Второй шаг требует координации действий всей отрасли. Третий шаг предполагает координацию на глобальном уровне [12].

Имеющиеся исследования свидетельствуют о том, что из-за недостаточной изученности принципов и этапов правовой ответственности при использовании ИИ вопросы регулирования такой ответственности в различных правовых сферах в рамках единой законодательной базы требуют дальнейшего углубленного анализа. Эксперты в данной области выступают за устранение законодательных пробелов в сфере искусственного интеллекта и усиление этического и общественного контроля; это необходимо для обеспечения достойных позиций государства в цифровом мире за счет эффективного использования потенциала ИИ.

В заключение следует отметить, что ожидается широкое внедрение ИИ-агентов в таких сферах, как финансы, транспорт и юридическая практика. Это может породить сложные правовые проблемы, касающиеся, в частности, юридической ответственности, требований к защите конфиденциальности, прав интеллектуальной собственности, исполнения договорных обязательств, защиты прав потребителей, трудового и антимонопольного законодательства, а также вопросов возмещения неопределенного или вероятностного ущерба и этических аспектов.

Для предотвращения возможных негативных последствий, связанных с использованием искусственного интеллекта в будущем, каждому государству необходимо предусмотреть в своей правовой системе административную и уголовную ответственность. Учитывая трансграничный характер искусственного интеллекта, целесообразно принять универсальную обязательную международную норму в рамках широкого международного сотрудничества, которая регулировала бы вопросы его использования и ответственности.

Литература

1. Бойчук А.Ю. Понятие и признаки юридической ответственности. [Электронный ресурс] In: Legea şi Viaţa, 2018, nr. 1/2(313), pp. 11-16. / ISSN 2587-4365 /ISSNe 2587-4373. -URL: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/59994
2. Филина Н.В, Гудков Ю.А, Сенин И.Н. Юридическая ответственность искусственного интеллекта: теоретические модели и практические решения. «Журнал прикладных исследований» 2025/10, С 193-197. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-teoreticheskie-modeli-i-prakticheskie-resheniya
3. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу [Электронный ресурс] // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79–102. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-iskusstvennogo-intellekta-i-yuridicheskaya-otvetstvennost-za-ego-rabotu
4. Zhang Z., & He, J. (2026). Who bears the responsibility? Legal liability allocation for AI agent conduct in platform ecosystem. Cogent Social Sciences, 12(1). https://doi.org/10.1080/23311886.2026.2691325
5. Discussion Paper. Legal Responsibility for AI Agents. May 2026 // https://www.imda.gov.sg/-/media/imda/files/about/emerging-tech-and-research/artificial-intelligence/agents-legal-responsibility.pdf
6. Maarten Herbosch, Liability for AI Agents, 26 N.C. J.L. & TECH. 391 (2025). https://scholarship.law.unc.edu/ncjolt/vol26/iss3/4
7. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года // https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243
8. Дэвид ХИРШ. Глобальный диалог по вопросам управления искусственным интеллектом //https://www.un.org/global-dialogue-ai-governance/sites/default/files/2026-07/press_release_global_dialogue_6_july_2026_ru.pdf
9. Nugmanov N. Sayfullayeva V. Modern approaches to the legal regulation of artificial intelligence in the field of information security. The International Affairs: Politics, Economics, Law. 3 / 2026 (№117). Pp 14-160 // https://international-affairs.uz/en/archives/227
10. REGULATION (EU) 2024/1689 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 13 June 2024. // https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng
11. ISO/IEC 42001:2023 Система менеджмента искусственного интеллекта // https://media.eurocert.gr/images/0/0/certifications/iso_42001_2023_rus.pdf
12. UNESCO Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence SHS/BIO/REC-AIETHICS/2021 // https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455
13. Dario Amodei. We Must Pace the Frontier. September 2026 // https://darioamodei.com/post/we-must-pace-the-frontier